

МЕДЕА-СЦЕНАРИЙ

ПЕРВОЕ ДЕЙСТВИЕ ЯВЛЕНИЕ МЕДЕИ

МЕДЕЯ. Это сцена театра, снова сцена театра. Театр может быть заменен на заводские помещения или клуб, главное — сохранить присутствие аудитории, деление на того, кто вещает, и на тех, кто смотрит и слушает. В моих ушах большие золотые серьги, так что, когда я поворачиваю голову влево или вправо, они трясутся и дребезжат. Остальное вариативно. Тут очень темно, я стою в совершенно глухой темноте, разве что всяческие проблески разноцветного света мелькают по углам в кубе сцены. Сцена в виде куба, такой большой каменный, стеклянный или зеркальный куб, это сцена. В центре сцены стоит Медея, Колхидская царица. Ее жесты неконтролируемо меняются, она то поднимает руки, то опускает, тянет их перед собой и наоборот. Она развернута спиной к зрителям, перед ней стоит камера на штативе, камера, направленная таким образом на лицо Медеи и лица зрителей, транслирует изображение на фон. Так вот, темнота, говорю я, темнота такая сильная, нет, я не все сказала. Дело в том, что на камере установлен постоянный белый свет, экран из света, поэтому для зрителя, когда тот на меня смотрит, он выглядит как контровой, но камера видит это как чистый поток света в лицо, будто это какая-то светская вечеринка, где ходит фотограф и встроенной вспышкой слепит гостей, но это не вечеринка, это даже не вечер, это глубокая ночь, это утро — разницы нет, главное — тут очень темно, темно так, что нельзя увидеть своего соседа-зрителя невооруженным глазом. Но неужели в театр или в кинотеатр все еще ходят люди с невооруженным глазом? Берегите ваши драгоценные глаза, ваши глаза-колечки с камешками, ваши глаза-жемчужинки, ваши позолоченные мерцалочки, защищайтесь, вооружайте ваши глаза, вступайте в гонку. Представьте, зал полон, сиденья, их ряды, ломаются от веса, но все ослепли! Так глупо, так плоско, очевидно, но никто не видит! Каждое прикосновение к этим людям, собранным в одно место, будет иметь ошеломительный эффект, голос говорит ЧТО БУДЕТ С ТВОИМ ТЕЛОМ КОГДА Я ПРИКОСНУСЬ К ТЕБЕ, а зрителя, ничего не видящего, действительно кто-то касается! Вооружайте свои глаза. Разлука, отчуждение — вот моя главная тема, вот моя красная нить, которую никто не осмелится перерезать, а если все же осмелится, то ладно! Ничего! Это только сыграет мне в плюс, это как умереть дважды, это как расслоение смерти на два плана, а то и больше — перерезать красную нить отчуждения. Все эти Героиды, вся эта Наука Любви, Метаморфозы — это средства выстраивания границ. Зацикленный взрыв касания Медеи до лица Ясона, замедленный взрыв касания Ясона до лица Медеи. Все это складывается, склеивается в тело разлуки. Тело разлуки — это опустевшее мертвое тело, спрятанное в подвале, я захожу туда, холодная сырость обнимает мои непокрытые руки, волоски на руках приклеиваются к предплечьям, это как бы пот подвала дышит в меня, говорит собой, мол, Я, ЭТО Я ЗДЕСЬ, А НЕ ТЫ ТАМ, Я ЕСМЬ ТУТ, ТЕБЯ ТУТ НЕТ, я дышу глубже, это запах — чего? — мокрого цемента, канализационных отходов, что-то сладкое, кислое, красное, как сгнивший арбуз, что уже весь в карамели собственного забродившего сока, он блестит и переливается от глухого света, что проник в подвал с моим появлением, может

быть, он чернеет — это разрушенная голова, кипяченный мозг, разваренный мозг, лоскуты, тряпье, самое страшное — то, как скорлупа, которая должна быть скорлупой и сохранять прочность, оказывается мягче кожи, оказывается хрупкой для касания. В этом запотевшем, сладковатом и застоявшемся запахе летят насекомые, мухи собираются на лице и составляют собой целую шубу, крепкую живую маску, пока я нахожусь там, я вижу в самом центре тело разлуки — опустевшее мертвое тело, представляющее собой особый вид свежей раны: ты чувствуешь боль и смотришь оголтелыми глазами на эту рану, потом забываешь о боли, но все думаешь, все интересуешься, как там моя рана, как она себя чувствует, ты возвращаешь свои выпученные глаза в место ранения, снова смотришь на рану, и это продолжается еще очень долго. Тело разлуки, тело отчуждения — опустевшее мертвое тело, давно забытое и похороненное, тебе нужно на него взглянуть, ты хочешь узнать, как оно там, это тело, осунулось ли его лицо, оголился ли его череп, пожрали ли его черви. Я смотрю на опустевшее мертвое тело разлуки, мухи летают повсюду, мухи, бабочки мух, мухи бабочек, что-то постоянно рождается в этом ужасном сладком запахе, в этом сыром холоде, я подхожу к этому мертвому телу разлуки, касаюсь его одежды, его обветренной, промокшей одежды, обыскиваю тело, шарю по карманам пиджака, карманы набиты ворочающимися опарышами, я тупо смотрю на это тело, не зная, что с ним делать, как с ним жить, и начинаю бессмысленно подражать ему, я подражаю ему, я ловлю опарыша губами и говорю ему, говорю ему, взлети, говорю, от моего вдохновенного дыхания, вдыхания, выдыхания, стань мухой бабочки, стань бабочкой мухи, стань куклой, куколкой, клац-клац, клюп-клюп, куколкой, поклюй мне лицо, опарыш, червячок, изъятый из кармана мертвого тела разлуки, я люблю тебя, я убью тебя, это любовь, это всегда убовь. Тогда опарыш срывается с моих синих от холода губ, у него не вырастают крылья, он не расцветает, но превращается в куколку, такой белый паутинчатый комок, однако в этом виде он взлетает, будто это дешевая компьютерная графика, курсор медленно передвигается по экрану.

Свет над камерой, которая меня снимает, начинает мерцать, как мощная вспышка, заливая все острым светом так, что камера не выдерживает таких резких скачков белого с черным, и лицо оказывается как бы выжженным — без отличительных черт, только видны отверстия: рот, глазницы, ноздри.

Я беру побольше червей в свои руки, загребаю их из карманов мертвого тела разлуки, тела отчуждения, они соединяются в виде цепочки, цепляясь своими округлыми ртами за ноги соседей, я беру тот расколотый арбуз, до сухого остатка выжимаю его кашу, тряпье, лоскуты, обрывки, мух, пот подвала, я раздеваю труп разлуки, его нога — это соседняя комната, в которой ты должен или должна быть, но тебя там нет, ты обязан_а там быть, но тебя там нет, что там происходит? Первосцена / твое зачатие / измена / кровная месть? Эту комнату можно помыслить как прозрачный кристалл, прозрачный кристалл куба, набитый черным дымом до предела, видно только, как кувыркаются кудри дыма, складки кудрей дыма, посмотри же туда невооруженными глазами, постучись, постучись еще раз. Пальцы трупа — наверное, Рим, что в них застрял, тупики и перекрестки. Руки — это необходимый отсутствующий голос, за отсутствие которого можно

ухватиться своими руками, он повторяет одни и те же слова, вроде ЗА ТВОИМ ЭКРАНОМ НАБЛЮДАЮТ или ОНО ПОЛЗЕТ ПОЛЗЕТ ПОЛЗЕТ. Живот трупа — это целый Ясон, со своими руками и ногами, со своим кораблем. Голова трупа — это сгоревший прямо на колеснице поэт, это я, Публий Овидий Назон. Я беру побольше червей в свои руки, загребаю их из карманов мертвого тела разлуки/отчуждения, они соединяются в виде цепочки, цепляясь своими округлыми ртами за ноги соседей, я беру тот расколотый арбуз, до сухого остатка выжимаю его кашу, тряпье, лоскуты, обрывки, мух, пот подвала, искусственное мертвое тело разлуки, из всего этого я строю себе головной убор, от тяжести которого у меня ломается шея, я строю головной убор, настолько невообразимый, что экран, транслирующий мое изображение, выгорает, из цифровой камеры густым потоком течет кровь, свет захлебнулся своим последним танцем, меня никто не видит, я — вся из себя, я — сама в себе, моя частная собственность, неразделимая и неприкосновенная, я — это свинцовый купол, который покрывает мое желание.

ВТОРОЕ ДЕЙСТВИЕ СМЕРТЬ ЯСОНА

Монохромная картинка, по всему кадру рассыпается и бежит зерно, царапины, все подряд. Сильный световой контраст изображения, его настройки будто неправильно выстроены. Можно разместить видеоряд в черной рамке, можно в белой, можно в мерцающей, а можно в красной. На фоне разносится грузный грув — игра на барабанах, хлипкие диски своим раскатистым звуком как бы подключаются к бегущему зерну, царапинам, пересвету, всему подряд.

ЯСОН справа, сзади, потом спереди, слева, бледный и злой. Это все, что можно сказать по его внешнему виду, т.к. у него отсутствует лицо, на голове только невзрачный парик и плотно натянутая кожа, бледная и злая. Бледные и злые руки ЯСОНА мотаются в разные стороны, он бежит по разным сторонам кадра, вроде куклы, каких обычно используют на испытаниях: например, сажают в машину, на всей скорости въезжающую в стену. ЯСОН пропадает. Кажется, в кадре (или на сцене) действительно появляется машина. Ее нос повернут к большой кирпичной стене. Ее стекла затонированы, ничего не видно. Тогда опускаются передние окна, и мы видим, что никого нет за рулем, но теперь тот самый грузный грув раздаётся из самой машины. Тогда опускаются задние окна, и там мы видим ЯСОНА, бледного и злого, безвольного, инертного. Машина отъезжает назад, чтобы через секунду въехать на скорости в стену. Она начинает гореть. Диски в барабанной игре отходят на задний план, то есть бьются реже на время, сейчас звучит только то, что натянуто — глубоко и странно, это будто бы ритуальная музыка. Тогда появляется еще одна машина, что визуально не отличается от предыдущей. Разница лишь в том, что одна машина сейчас разбита всмятку, а другая, новая, стоит целая. Передние стекла новой машины открываются, и мы видим, что никого нет за рулем, диски возвращаются в барабанный грув, открываются задние стекла машины, там мы видим ЯСОНА, злого и бледного, яркого, к барабанному груву прибавлен сильный бас, который заставляет помещение слегка дрожать. Он открывает дверь машины, становится на ее крышу и долго смотрит на другую,

горящий автомобиль. Тогда он садится за руль своей, то есть целой, машины, разгоняется и въезжает в горящую разбитую машину. Теперь горит все, музыка продолжается, становится интенсивнее.

На фоне раздаются аплодисменты, ликование, свист. Слышно, как кто-то поет в небольших компаниях песни, кто-то просто бездумно орет. Иногда слышны склейки в аудиодорожке.

Ленинград. Большая парадная, лестницы тянутся вдоль стен и образуют пустое пространство в сердцевине помещения, поэтому иногда съемка ведется с лестницы, то есть сверху вниз. ЯСОН входит в этот подъезд, ложится на пол по центру. Ничего не происходит. Тогда он встает, открывает дверь подъезда, оставляет ее в раскрытом положении, потом поднимается по лестнице и начинает громко стучать во все двери на своем пути, он добегают до последнего этажа, стучит в последнюю дверь, поднимается на крышу и прыгает с нее, пока все двери в подъезде начинают быстро открываться и закрываться, кто-то стучится в двери изнутри, эти действия повторяются, поэтому кажется, что двери — это рты, которые что-то жуют. В какой-то момент из дверей выбегают жильцы дома, подбирают ЯСОНА с улицы и тянут его обратно в подъезд, в его центр. Тут мы понимаем, что ЯСОН представляет собой имитацию мужчины среднего роста. Он был выкраден из судебно-медицинской экспертизы. ЯСОН, имитация мужчины среднего роста, одет в рубашку, пиджак, брюки, шапку. Действие развивается стремительно. ЯСОНА бросают на пол, и в момент падения ЯСОН громко бьется о плитку и, пружиня, отпрыгивает от пола несколько раз. К нему кидается группа мужчин с палками и камнями, начинает его избивать. Я с кинокамерой стою в укрытии, чтобы не давать случайным прохожим никаких мотиваций происходящего. Секунд через пять с улицы раздаются какие-то невнятные, но сильно эмоционально окрашенные вопли, и к месту избиения бросаются люди на помощь ЯСОНУ. Избивающие в шоке, возникает преддраковая ситуация. В этот самый момент у ЯСОНА отлетает голова в шапке, она была уже давно оторвана и непрочной держалась на штыре. Эта неожиданность придает избиению второе дыхание. Спасаящие ЯСОНА оказываются обездвижены от ужаса. Тупо уставившись на поролоновый срез головы ЯСОНА, они медленно, что-то бормоча под глухие удары палок, начинают пятиться назад, за поле зрения. Все расходятся по квартирам или из подъезда, все прочь. Обезглавленный ЯСОН-манекен лежит на полу. Ничего не происходит.

На фоне раздаются аплодисменты, ликование, свист. Слышно, как кто-то поет в небольших компаниях песни, кто-то просто бездумно орет. Иногда слышны склейки в аудиодорожке.

Теперь это сцена, теперь это точно сцена. Кажется, нет зрителей, никого. Зрительный зал не освещен, но сцену заливают ярким светом, стены серые, будто мы находимся в хозяйственном отделении какого-нибудь муниципального здания. Скользящий пол или, может, клеенка по центру сцены, вокруг этого центра поставлены на штативы три камеры, по очереди они транслируют изображение на фон. Выходит ЯСОН, одетый в каску, в странные очки с толстыми стеклами, с

перебинтованной головой, перебинтованными ногами. На его теле тельняшка, пиджак, брюки. Он становится так, что его окружают камеры, раздается музыка. Сначала (слегка) барабаны, потом струны бас-гитары приводятся в движение, вступает фортепиано, ноты низкие, злые. ЯСОН начинает танцевать, медленно танцевать, он пытается сделать свое тело адекватным музыке, корчится, корячится, изображает нечеловеческое существо. КТО ЭТО ТАМ ВЕСЬ В ОГНЕ / ТАЩИТ ЗА СОБОЙ МЕШОК ЦЕПЕЙ / О БЕДНОЕ СЕРДЦЕ / ОБРЕЧЕН ИЗНАЧАЛЬНО / ОБРЕЧЕН ИГРАТЬ ЗЛОДЕЙСКУЮ РОЛЬ. Тут выходят люди в защитных белых костюмах, в перчатках, в масках, они достают пульверизаторы и брызгают в ЯСОНА красной жидкостью. Камеры транслируют вид ЯСОНА по очереди, с разных ракурсов. Он продолжает танцевать, никак не реагируя на людей, начинает раздеваться, когда одежда становится мокрой. Он танцует, все так же корчит лицо. КТО ЭТО ТАМ БРОДИТ У ЗДАНИЯ СУДА / ПРИБИВАЯ МОЕ ЛИЦО К ЗАБОРУ / О НЕТ О НЕТ КУДА Б Я ПОШЕЛ / ТРЕВОГА МОЙ ГОРЬ / Я ВЛАЧУ МЕШОК СКОРБИ / ПРОЧЬ ОТ ЛИНЧУЮЩЕЙ ВЕРЕВКИ. Тогда танцора снова обрызгивают красной жидкостью, и он остается только в трусах, не снимая запачканных очков, не снимая бинтов и каски. КОГО ТАМ НА ДЕРЕВЕ ДЕРЖИТ ПЕТЛЯ / У НЕГО НЕТ ГЛАЗ НО ОН ПРЯМ КАК Я. Люди в защитных костюмах продолжают разбрызгивать красным по телу ЯСОНА, он начинает поскользываться, падать, измазанный краской, как бы рассыпаться и собираться заново, камеры друг за другом берут инициативу, изображение на фоне переключается слишком быстро, ЯСОН начинает изображать руками разного рода политические жесты, которые становятся бессмысленными, как только являются в его исполнении. Тогда он в очередной раз встает, голый, красный, в очках и каске, в мокрых бинтах. Музыка уже нет. Он смотрит в одну камеру, потом в другую, потом в третью, выключает их. ЯСОН не двигается, тяжело дышит и тупо смотрит в сторону зрителей, которые выглядят в точности так же, как он.

Никто не шевелится, рты закрыты, но на фоне раздается запись искусственного смеха, что раз за разом повторяется, склейки на этот раз более очевидны, иногда звук натурально задыхается. Сквозь смех слышен приглушенный скрип двери или неприятный крик.

ТРЕТЬЕ ДЕЙСТВИЕ ИНТЕРВЬЮ

Крупный телеканал. Известный ведущий ПУБЛИЙ ОВИДИЙ НАЗОН берет интервью у МЕДЕИ. Просторная студия, на фоне растянут большой экран. На экране идет слайд-шоу, состоящее из фотографий МЕДЕИ: МЕДЕЯ на берегу, МЕДЕЯ за рулем, МЕДЕЯ бросается на амбразуру. По центру стол, герои сидят друг напротив друга. ОВИДИЙ спрашивает у МЕДЕИ, он спрашивает, оказавшись перед богом, что вы ему скажете? МЕДЕЯ собирается ответить, открывает рот, чтобы произнести звук, но журналист задает новый вопрос, он спрашивает, что вы чувствуете, смотря на эти фото, что пролистываются на фоне? МЕДЕЯ отвечает, я не знаю, но надеюсь, что они способны передать основные ведущие качества прогрессивного мужчины: тупость, бодрость и наглость. Тогда ОВИДИЙ спрашивает, что вы чувствуете,

смотря на эти фото, что пролистываются на фоне? МЕДЕЯ берет из-под стола пульт и включает на экране ролик с ЯСОНОМ.

ЧЕТВЕРТОЕ ДЕЙСТВИЕ СМЕРТЬ ЯСОНА 2

Мы видим ЯСОНА сквозь видеосвязь. Он, наверное, сидит перед ноутбуком или любым другим устройством с фронтальной камерой. Может быть, у него нет фронтальной камеры, и ему приходится раз за разом поворачивать устройство к себе стороной без экрана. Связь недостаточна, поэтому речь ЯСОНА часто тормозит, выражения лица, а у него подвижная мимика, зависают в странных положениях.

ЯСОН. Я не ранний — я раненый. Ох, как мне умереть хочется, так умереть хочется, а поэтому жить. Вот тянется моя жизнь, вот тянется моя смерть, они вдвоем как линии, это как бы ребенок держит в обеих руках разноцветные карандашики и рисует одновременно, вот они тянутся в руках его, а потом — раз — и сходятся, проходят сквозь, перечеркивают лист, синкопа! Синкопа — это затакт реальности, мир ирреалий, фантастики. Хэппенинг смерти, дама в белом, черные глазницы. Я иду к ней, а в руках, что она держит за спиной, осиновый кол, серебряный меч, обыкновенная вилка, финка, ножик. Я иду к ней, нет, я уже бегу к ней, ведь она стоит в конце коридора, а коридор, конечно, все никак не заканчивается, холодный пот пробивает мой лоб, когда я думаю, что же такое я делаю, я могу остановиться, обосноваться на месте, но я продолжаю бежать и даже ускоряюсь. Дама в белом, черные глазницы! Я спотыкаюсь, падаю, лежу на этом деревянном, на этом мягком полу, смотрю вокруг себя, на стены, и они двигаются, потом я понимаю, что это не они двигаются, а меня, будто в аэропорту, доставляет лента пола, она доставляет меня к ней, к даме в белом, черные глазницы! Я приближаюсь к ней, я кричу, я не ранний — я раненый, надеюсь, написаны на лице моем главные качества мужчины — тупость, бодрость и наглость! Я знаю, что ты прячешь за своей спиной, пожалуйста, не скрывайся, подари, подари это все мне, спрячь во мне свои разноцветные карандашики, свой осиновый кол, серебряный меч, обыкновенную вилку, финку, ножик. Хочу, чтобы в моей кончине у тебя выросли глаза, а в твоих глазах тогда вырастут цветы, которые никогда уже не сорвать, никому не подарить, разве что сказать кому-то, мол, я дарю их тебе, я дарю тебе эти ЦВЕТЫ ЗЛА, эти цветы конца, но не передам я их в руки твои, а буду и дальше носить в глазах, а ты будешь знать, что это твои цветы. Дарит — прямо в меня — дама в белом, черные глазницы, дарит она в меня свой осиновый кол, обыкновенную вилку, финку, серебряный меч, и я проваливаюсь сквозь пол куда-то вниз, а там экран, а там экран, мы находимся в экране, фокус на нас, едущих в машине, мы едем в машине, это наш общий микрорайон, уже очень темно, тихо, никого будто нет в этом месте, кроме нас. Нас четверо в машине, в ней тоже никакого света, густо и темно. Тогда включается мелодия с названием «Angel», там такой насыщенный бас, который очень долго усиливается из ничего, нарастает и перевоплощается в оглушающую электрогитару, в перегруз. И под это все мы подъезжаем к подъезду, ничего не

говоря, все мы молчим, и это какое-то откровение, что-то умерло во всех нас, когда мы это увидели и услышали. Мы поднимаемся в квартиру, склейка, мы уже сидим за столом, мы можем знать друг друга или не знать, сигаретный дым, все в странных костюмах, будто надели то, что увидели под ногами в квартире ради элемента неожиданности, карнавала. Кто-то говорит, вроде, блять, мы тратим на это свои нервы, себя, понимаешь? Блять! Как? Неужели. А мимо-то проходит, эта жизнь проходит, понимаешь, она, как по улице, блять, идет, и идет, и идет. А мы все время в одном бреде, понимаешь? Это припадок какой-то, бред. Сон, блять, полусонье какое-то! Черт! Не знаешь, может быть, это и правда, истина, я не знаю, вот что это — истина. Что? Может быть, все это в дороге замешано. Может быть, это дорога... Но если нет? Блять! Если мы придем к этой кучерявой в конце жизни-то? Еб твою мать, здесь кончим-то эти годы, еб твою мать! Какая разница, что надо мной-то там: небоскреб, ампир, модерн. Здесь же мы и сдохнем, еб твою мать, блять! Это как могила, я вижу ее, разукрашенную, кривую. И эти люди — не зря они смеются над этими трупами. Эксгумация, кремация, блять, подснежник! Может, только и остается, что посмеяться, вот так — ХО-ХО-ХО, ХА-ХА-ХА. Вот я и смеюсь тут, лежу, похохатываю, гогочу. Я сам себе труп, сам себе клоун, стою над собственным телом и нарушаю его покой всяческим низменным выражением. Я сам себе тело разлуки, тело отчуждения — опустевшее мертвое тело, давно забытое и похороненное, тебе нужно на него взглянуть, ты хочешь узнать, как оно там, это тело, осунулось ли его лицо, оголился ли его череп, пожрали ли его черви. В моей голове, в моем животе есть два этажа: на одном этаже я захожу в твою больничную палату, оглядываюсь по сторонам, ищу тебя, пытаюсь понять, какие тут есть вещи, из чего ты свяжешь себе веревку, из чего ты связала свою веревку, как ты летишь на ней, летишь неизвестно куда, какое у тебя выражение лица, как звучит твой вечный рехаб. На другом этаже я хватаюсь за твою гибель и прогоняю ее через праздники нарциссизма, подключаюсь к твоей смерти ради своего (теперь) бесконечного ТВОРЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА, криэйтив-райтинга, повторяющегося этюда, упражнения, пытаюсь дать какой-нибудь новый ракурс, Я, ПУБЛИЙ ОВИДИЙ НАЗОН, ТВОРЕЦ ПОРЕЗОВ, ИФИГЕНИЯ, Я МЕДЕЯ, МЛАДШАЯ ДОЧЬ КОРОЛЯ ЛИРА, ЭТО ОФЕЛИЯ, ЭТО БУХАРИН, КОТОРОГО РАССТРЕЛИВАЮТ РАДИ ВНУТРИПАРТИЙНОГО МИРА. Нет никакой «мрачной древности», есть здесь и сейчас, а тут барды поют, что искусственный свет на бумажных цветах — это так смешно, Я СНОВА ОДИН, КАК ИСТИННЫЙ НЕКРО-РОМАНТИК. Я не ранний — я раненый. Я стою здесь, перед тобой, болю всем своим телом, хватаюсь за яд, как за блестящие конфеты в хрустящих фантиках, рвусь сквозь невозможный поток из человеческих рук, Терракотовая армия, и лицо каждого воина — это мое лицо, мной блюет их каменное сборище, терракотовая толпа, это все расщепляется, а я только и умею, что закричать в ответ: DISC-DISC-ДИСК, это единственная мантра, единственная молитва, что я могу сформулировать, выдать тебе в качестве пожизненного своего подарка, в качестве непреодолимого обстоятельства, я не ранний — я раненый, не ранний — раненый, я раненый, я не ранний — я раненый, рваный.

Лицо ЯСОНА застывает одним кадром, полная тишина. Через минуту статичной картинки появляется черный экран.

ПЯТОЕ ДЕЙСТВИЕ ОТРЯД ДЕТЕЙ ТАНЕЦ

МЕДЕЯ стоит в каком-то углублении сцены, как бы в оркестровой яме, так что мы видим только ее верх: голову, плечи, грудь, часть живота. Около нее, справа и слева, стоят два ребенка, их мы видим полностью. Они поднимают с земли бронежилеты, крупные черные автоматы, шлемы, вооружаются, экипируются.

МЕДЕЯ. Ко мне придите, дети! Утешаете / Лишь вы в несчастье. Так сплетем объятия! / Живые, жить вы будете для матери, / Хоть вас отец получит. Но уж близок срок — / И оторвут вас, плачущих, у изгнанной / От губ, от сердца. Умерев для матери, / Умрите для отца!

Один сын стреляет в другого сына, тот падает замертво и остается лежать на сцене. Тогда на сцену выбегают еще десять детей, все в экипировке, каждый с автоматом. Они начинают танцевать под песни из мультфильмов, пока их мертвый брат лежит под ногами.

МЕДЕЯ. Невольное / Блаженство в душу входит. Мне Ясона лишь / Недоставало зрителем. Не сделала / Я ничего, злодейство без него свершив.

В зрительный зал входит ЯСОН, молча садится на одно из кресел и смотрит на сцену. Дети начинают целиться в него.

МЕДЕЯ. Твоих детей готовься схоронить, Ясон, / Насыпь курган им. Тестя и жену твою / Как должно погребла я и тела сожгла. / Убит твой старший сын, и на глазах твоих / Второй твой сын погибнет.

Дети всем отрядом стреляют в ЯСОНА, спускаются со сцены, подходят к нему, берут его за руку и уводят из зала.

МЕДЕЯ. Нет, насладись, обида, мезтью медленной. / Мой этот день: он был царем дарован мне.

ШЕСТОЕ ДЕЙСТВИЕ МЕДЕЯ КОЛЕСНИЦА

МЕДЕЯ все еще находится в яме, все еще лежит в стороне ее сын. Сверху спускается и повисает в воздухе колесница, в которой стоит ПУБЛИЙ ОВИДИЙ НАЗОН, ее удерживают канаты. Пока МЕДЕЯ говорит, ПУБЛИЙ ОВИДИЙ НАЗОН беззвучно — одними только губами — синхронно повторяет ее реплики.

МЕДЕЯ. Это сценарий без слов, это спектакль без слов, больше нечего сказать, поэтому все, что произносится, всегда ставится в скобки. Абсолютно безмолвный спектакль, закрытый рот, который продолжает промывать слюна — так

прорывается все, что произносится. Вот я и притихла, что-то затихло меня, сплунуло. Я бежала из текста, чтобы стать бесконечным образом, светящейся картинкой, на которую ты нескончаемо смотришь, и начинают болеть глаза. Я же смотрю вверх и вижу только эту колесницу, я тяну вверх руки.

МЕДЕЯ тянет вверх руки.

Я тяну вверх руки, но никак не могу дотянуться до колесницы, она мне не принадлежит, но я принадлежу ей. Каждое мое слово оказывается заверенным, одобренным там, наверху, на этой колеснице, иногда я говорю что-то новое, переназываю, например, эту колесницу, называю ее урной для праха, воздушной могилой, тучей, несущей пожар вместо дождя, и на секунду мне кажется, что эта колесница, которую я называю урной для праха, воздушной могилой, тучей, несущей пожар вместо дождя, иногда мне кажется, что эта колесница рушится, но она только корректирует свой бездонный ход по небу. Я бросаю гранаты, ножи и вилки в ее сторону, но они падают, они закатываются в место, где покоюсь я — вся из себя, я — сама в себе, моя частная собственность, неразделимая и неприкосновенная, я — свинцовый купол, который покрывает мое желание, мои желанья, мои множества, мои монады, единицы, нули. Я смотрю вверх, тяну вверх руки, я вижу только днище этой колесницы, вижу только ее колеса, я представляю лицо человека, который стоит на ней, но человек ли это. Если это человек, то ни в коем случае не стоит отождествлять его с колесницей, на которой он стоит, мы, наверное, можем назвать его ОТЦОМ, БОГОМ или ПОЭТОМ, но не городом, не сообществом, не страной. Если бы мы назвали его, раз-два, городом, сообществом, раз-два-три, или страной, то мы должны были бы сказать: у него красивое или некрасивое лицо, я люблю его или я убью его. Где-то в этой точке есть непростительная манипуляция, и я не знаю, в каких отношениях этот человек с этой колесницей, раз-два-три-четыре. Я уже ничего не знаю, мне нечего сказать, тебе нечего сказать, я не ранний — я раненый, я не ранний — я равным образом раненый. ТВОРЕЦ ПОРЕЗОВ, я стою перед тобой, раз-два-три-четыре-пять. Это никогда не ирония, это никогда не смерть — я никогда не хочу писать смерть, раз-два. Никто не шевелится, рты закрыты, но на фоне раздается запись искусственного смеха, никто не шевелится, раз-два-три. Первое действие исключает второе, второе исключает третье, и так до конца, пока не останется ничего, никто не шевелится, я больше ничего не говорю, стою молча. ПУБЛИЙ ОВИДИЙ НАЗОН, что стоит надо мной, что едет на колеснице сверху, поджигает ее, поджигает свою колесницу и горит. Огонь освещает все пространство. Занавес закрывается, это раз. Сквозь него все еще пробивается свет, это два. Но тот ли это свет, которому ты готов улыбнуться, наконец, это три.

Никаких звуков, никакой музыки. В зале никого нет.